

УДК 94(47).05

К.А. Кочегаров¹²

**Бунт «полка» Григория Косагова на Запорожье:
малоизвестный эпизод первого Крымского похода 1687 г.**

Первый Крымский поход; Г.И. Косагов; Запорожская Сечь.

Бунт «полка» генерала Г.И. Косагова вспыхнул в конце июля – начале августа 1687 г. на Запорожье. Войска, зимовавшие в регионе в 1686/1687 гг. были недовольны тяготами службы и перспективой новой зимовки и самовольно покинули укрепленный лагерь.

Крымские походы 1687 и 1689 гг. до сих пор еще недостаточно исследованы отечественными учеными, несмотря на сохранившуюся солидную архивную источниковую базу и появившиеся некоторые работы последних лет. К малоизвестным сюжетам данной темы следует отнести и бунт солдат нескольких полков, которыми командовал генерал Григорий Иванович Косагов, в конце лета 1687 г.

Силы Г.И. Косагова были высланы на Запорожье в рамках исполнения Россией союзнических обязательств по договору о Вечном мире и союзе с Польшей еще летом 1686 г. Они насчитывали около 6 тыс. человек, включая солдатские Старооскольский и Хотмыжский

¹² Кочегаров Кирилл Александрович, Институт славяноведения РАН (РФ, Москва), к.и.н., kirill-kochegarow@yandex.ru.

полки, рейтарский полк И.М. Гопта, солдатский «новоприборный» полк, а также казаков сумского, ахтырского и острогожского слободских полков. В 1686 г. активных действий корпус не вел, ограничившись строительством укрепленного лагеря в Каменном Затоне (так назывались залив на р. Днепр и каменистое урочище на его побережье), на одном из островов днепровской дельты недалеко от Запорожской Сечи. Важными задачами Косагова были охрана провианта для российских войск, которые должны были действовать на нижнем Днепре, взаимодействие с запорожскими казаками, сбор информации о действиях крымских татар [2, с. 393–395, 401–405].

В июне 1687 г., после решения о прекращении похода основных сил русской армии к Перекопу, в район турецкой крепости Казыкермен в низовьях Днепра был направлен корпус под командованием окольного Л.Р. Неплюева и отряд украинских казаков Г.И. Самойловича. В конце июня – начале июля эти войска переправились на правый берег Днепра возле Каменного Затона. Однако крымские татары 5 июля атаковали лагерь Косагова, захватив часть обоза. Войска Неплюева вернулись на выручку, сумев отбить часть добычи. В условиях близости неприятеля, Неплюев и Самойлович отказались от похода на Казыкермен, а вскоре, получив известие об отрешении от гетманства своего отца – Ивана Самойловича, Григорий двинулся с казаками на Гетманщину. В погоню за ним 30 июля отправился и Неплюев [1].

Корпусу Косагова, к которому был придан солдатский полк М.З. Вестова (как отмечал Косагов, Неплюев сделал это из-за его «малолюдства») было приказано остаться в Каменном Затоне. Брожение среди солдат, которые по выражению Г. Косагова «многажды о побеге бунтовали», шло уже некоторое время¹³. Недовольные условиями службы и не желая оставаться вторично на зимовку на Запорожье, они направили в «Большой полк», к главнокомандующему В.В. Голицыну челобитчиков, по всей видимости с просьбой вывести оттуда корпус Косагова. Ответ, судя по всему, был отрицательным, и когда 31 июля Неплюев со своим полком пошел от урочища Микитин Рог к Кодак, вспыхнул открытый бунт. Уже на первом же «стане» на речке Томаковке Неплюева нагнал Косагов, сообщив, что «донские казаки да салдаты Михайлова полку Вестова и все русские ратные люди забунтовали». Он просил выделить ему силы для подавления недовольства.

¹³ Отписка Г.И. Косагова – Л.Р. Неплюеву. 2 августа 1687 г. – РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1316. Л. 6.

Дав генералу две роты рейтар, Неплюев двинулся дальше¹⁴.

На следующий день восставшие решили самовольно покинуть лагерь. Пример подали донские казаки, которые 1 августа 1687 г. в час дня «из обозу... подняв знамя со всем обозом пошли». Косагов, ехавший им навстречу с рейтарами, попытался задержать дезертиров на переправе через речку Ширяевку. Однако после того, как примеру донцев последовали рейтары И. Гопта, полк Михаила Вестова, Хотмыжский и Старооскольский полки, которые двинулись «с знаменами и с пушками, и в ружье как к бою пристойит, прибрався», Косагов вынужден был уступить, перейдя от силовых действий к уговорам.

В своей отписке Л.Р. Неплюеву он писал: «Я поехал в табор и увещал их на дороге и в обозе, обнадеживал великих государей милостью за службу, чтоб таковым бунтом не утратили нужной своей службы и опалы великих государей на себе не понесли, и многим государским страхом и казнию, и сыском стращал и знамена и пушки нудился у них взять». Однако мятежники вели себя агрессивно. Как писал Косагов, они «хотели по мне... и по началным людям стрелять и списами колоть и бердышами сечь замерялися, а иных началных людей били и знамена и пушки и всякую казну у полковников и лошади казенные побрали силой». Перейдя р. Ширяевку, взбунтовавшиеся полки двинулись вверх по Днепру «кодацким шляхом» вслед ушедшим войском Л.Р. Неплюева¹⁵. Посланные Неплюевым рейтары добавляли, что Косагов даже «выняв... из остра пистол, намеряясь на них стрелят». В ответ на это один из солдат «противно на него, генерала и воеводу, намерялся ж колоть копьем»¹⁶.

На все уговоры солдаты отвечали, что решили покинуть лагерь, поскольку узнали о некоем письме В.В. Голицына к Косагову с сообщением, что его корпус не будет оставлен «в Запорогах» после ухода оттуда Неплюева. «Списки» с указанной грамоты якобы распространяли по полкам рейтар Авраам Переверзев и солдат Старооскольского полка Артемий Котенев, ездившие ранее в челобитчиках. Косагов пытался убедить бунтовавших, что Неплюев выступил из Запорожья «для поимки гетманского сына, а не в дома свои», однако это не подействовало. Лишь немногие, по выражению Косагова «Бога

¹⁴ Отписка Л.Р. Неплюева на царское имя. – Там же. Л. 4–5; Отписка Л.Р. Неплюева – В.В. Голицыну. – Там же. Л. 9–12. См. также свидетельства полковника И. Гопта и офицеров его полка: Там же. Л. 24.

¹⁵ Отписка Г.И. Косагова – Л.Р. Неплюеву. 2 августа 1687 г. – Там же. Л. 6–8.

¹⁶ «Распросные речи» рейтар в разрядном шатре «полка» Л.Р. Неплюева. 6 августа 1687 г. – Там же. Л. 15–17.

бояся и страшного гневу царского», остались в лагере: около пятисот солдат Новоприборного полка и 400 чел. сумских казаков, харьковские казаки, а также калмыки. В какой-то момент уговорам царского генерала поддались около ста острогожских «черкас», которых Косагов «завернул... с возами назад к обозу», однако вернувшиеся солдаты силой заставили тех продолжить поход.

На следующий день, 2 августа, волнения охватили и солдат «новоприборного» полка. К Косагову прибыли капралы и сержанты, заявив, что им «у полковых запасов и у хлебных припасов быть не в мочь», ширились разговоры, что «пошли де все люди, а нам де одним стоят нечего». Дисциплина упала, солдаты по выражению Косагова пили «беспросыпно», караул, стоявший в «малом городке» «сшол своевольно и знамя снесли». Генерал пытался восстановить порядок, арестовав одного из вожаков недовольных – капрала Осипа Бухастова, однако за него вступились остальные солдаты во главе с десятником Логвином Романовым, заявив Косагову: «покин де ево лутче, а не покинешь, будет худо». Генералу, «бояся от них дурна», вновь пришлось уступить, тем более, что не приставшие к бунту служилые черкасы также были не надежны («боятся и сами домов мыслят»). В результате и новоприборные солдаты, взяв знамена и барабаны, пушки «и всякие полковые припасы», покинули Каменный Затон.

Взбунтовавшиеся полки расположились лагерем на р. Суре. Оставшись один с небольшими силами, Косагов с острова, где располагался укрепленный лагерь, переправился на правый берег Днепра, «где была старая сеча», а на следующий день двинулся вслед за вышедшими из повиновения подчиненными. «Ей-ей государь, пришла беда великая, николи не было», – сетовал он в отписке Неплюеву, сообщая что с ним на Запорожье фактически остались лишь одни офицеры, да присланные тем рейтары. «Для Господа Бога, государь мой, – просил Косагов Неплюева, – умиловивис над нами остальными как твое милосердие усмотрит, а погибелное нам всем близко». Особенно, по мнению генерала следовало опасаться запорожских казаков, которые «из лугов прибираются на нас»¹⁷.

Неплюев получил отписку Косагова 4 августа. Привезший ее Василий Вит сообщил, что немалую роль в подстрекательстве русских солдат к бунту сыграли запорожцы, которые подговаривали солдат «новоприборного» полка убить Косагова, а они «помогут побит»

¹⁷ Отписка Г.И. Косагова – Л.Р. Неплюеву. – Там же. Л. 6–8; «Распросные речи» рейтар... – Там же. Л. 15–17.

остальных офицеров, при этом солдатам «никакова дурна не учинят». Запорожцы, по словам Вита, даже «намерялись застрелить» Косагова из мушкета, а его «товарища», Сидора Каменева «заколоть копьем».

Генерал пытался договориться с запорожцами через посредничество «знатного» сечевика Ивана Черного, прося, чтобы его товарищи не продавали ратным людям вино, однако тот открыто заявил, что ему казаков «унять невозможно» и от них «на него генерала и воеводу и начальных людей пущая беда будет», хотя сам он их действия не поддерживает и к такому «дурну... не пристанет»¹⁸.

Взбунтовавшиеся войска не имели никакой программы действий, желая лишь окончания службы и роспуска по домам. Подойдя к месту дислокации войск Л.Р. Неплюева, они не проявляли враждебности, расположившись 6 августа в урочище «выше Кодака» на р. Каменке (из позднейших показаний в ходе следствия известно, что лагерь все же был укреплен). Неплюев послал подполковника Павла Беника и майора Ивана Офенберха «ведать» взбунтовавшиеся полки до прибытия Косагова и остальных офицеров¹⁹.

Вскоре после приезда Косагова и расположения его отрядов лагерем в Путивльском уезде у р. Виры началось предварительное разбирательство. Где-то в это время находившийся в Путивле Неплюев получил две грамоты (от 12 и 15 августа) от князя В.В. Голицына. В первой из них было указано произвести розыск, зачинщиков бунта «казнить... смертно сколко доведетца», а остальных бить кнутом. Однако следующая грамота уже предписывала «заводчиков» не казнить, а держать под стражей до особого указа²⁰. 21 августа Косагов прислал Неплюеву списки зачинщиков бунта²¹. «Пущих заводчиков» оказалось 248 человек, включая нескольких офицеров и атамана донских казаков («в воровском побеге... выбран был в атаманы») Митрофана Кудрявцева²². Для подведения итогов «розыска» Неплюев 15 сентября направил в «полк» Косагова дьяка Петра Исакова. При нем заводчики были «вновь пытаны накрепко, а иные... и огнем жжены». Главной задачей было выяснить, было ли причиной ухода из Запорожья общее недовольство солдат условиями службы или же некое подстрекательство со стороны. Однако все подследственные, повторно допро-

¹⁸ «Распросные речи» В. Вита в разрядном шатре Неплюева. 4 августа 1687 г. – Там же. Л. 13–14.

¹⁹ Там же. Л. 18–19.

²⁰ Грамоты В.В. Голицына – Л.Р. Неплюеву – Там же. Л. 20–21.

²¹ Там же. Л. 22. См. также Л. 25–42 (списки «своевольников» по полкам).

²² Там же. Л. 41–42.

шенные с пристрастием, хором повторяли, что «умыслу и подсылки о том их самовольном походе ни от кого... не было», а основным мотивом стал страх перед новыми болезнями и смертями, выкашивавшими гарнизон. Так, солдаты полка М.З. Вестова говорили, что к началу бунта многие из их полка «померли от болезней», а другие лежали «при смерти».

А. Переверзев, обвинявшийся в распространении ложного распоряжения об отводе полков на допросе признался, что сам текст отписки, которую они получили в разрядном шатре «Большого полка», он не читал, но подьячие якобы сказали ему, что речь в ней идет о столь желанном для солдат Косагова отводе войск. Отрицал он и распространение «списка» грамоты по полкам.

Среди нарушивших присягу и покинувших лагерь самовольно оказалось офицеры – поручик Лаврентий Экерт и острогожский наказной полковник Д. Хижняк. Оба они настаивали, что были больны и лежали «при смерти» и поэтому бунтовщики увезли их силой. Это, впрочем, не уберегло их от обвинений и пыток, хотя Хижняка из-за болезни били батогами, а не кнутом. Еще один офицер – капитан «новоприборного» полка Иван Малеев оправдывался, что ушел «для того, что де лошадей у него... худа и с простоты своей», а впоследствии хотел оставить бунтовщиков по призыву Косагова, но те не пустили его. Он даже принял временное командование взбунтовавшимися солдатами, руководил укреплением лагеря (как сам объяснял, «для государские казны, чтоб дорогою неприятельские люди не напали»), из-за чего считался властями одним из главных «заводчиков» мятежа.

В итоге пытке при следствии подверглись 33 человека, наказаны кнутом 167 человек, из них 9 человек главных зачинщиков отправили в тюрьму в Путивль. С остальных взяли поручные записи и отпустили. При этом стоит отметить, что к приезду П. Исакова умерли, были при смерти или бежали 32 человека, тем самым избежав наказания²³.

Девятеро путивльских узников просидели в тюрьме до лета 1688 г., когда сын, одного из них, «туленин» Иван Кудрявцев подал челобитную, прося освободить своего отца «донского кормового казака» и «атамана» бунтовщиков М. Кудрявцева «за многую его службу» и для своего «сиротства»²⁴. 8 июня власти указали отпустить всех домой, взяв на поруки, с оставлением их на службе «в прежних статьях и чинех». При этом путивльскому воеводе М.И. Голенищеву-Кутузову в

²³ Там же. Л. 43–68, 110. См. также: Там же. Л. 154–156.

²⁴ Там же. Л. 153.

грамоте от 13 июня было указано сначала всех «привести... к виселице», только там зачитав указ о помиловании. 7 августа в Разряде получили отписку воеводы о частичном исполнении распоряжения. В тюрьме остались трое, о судьбе которых Голенищев-Кутузов не получил точных указаний²⁵. В итоге уже осенью И. Малеева было приказано отправить в Киев для службы в рейтарском полку, а двух солдат «новоприборного» полка – «на вечное житье» в Переяславль, куда еще 24 августа 1687 г. был отправлен их полк²⁶.

Зимовка корпуса Г.И. Косагова в низовьях Днепра стала одной из первых в череде попыток русского правительства создать форпосты постоянного влияния в регионе в рамках активизации политики в отношении Северного Причерноморья. Она оказалась связана со значительными трудностями, выражавшимися в полном отсутствии какой-либо инфраструктуры, возможностей ротации и полноценного снабжения войск в условиях угрозы татарских нападений и враждебности запорожцев. Итогом этого стало масштабное возмущение солдат и нижних чинов, практически в полном составе самовольно покинувших место службы. Реакция русского правительства, видимо понимавшего обоснованность бунта, была достаточно мягкой – от первоначальных планов казнить «заводчиков» было решено отказаться. Были скорректирована и тактика закрепления в низовьях Днепра. Вместо оставления на зимовку крупных контингентов войск в регионе, правительство уже со следующего, 1688 г., перешло к строительству там полноценных крепостей, более пригодных для длительной службы, нежели каменнозатонский укрепленный лагерь.

1. *Великанов В.С.* Днепровский поход Л.Р. Неплюева в 1687 г. // Крым – связующее звено и неприступный форпост на стыке двух империй: Сборник научных статей. Ростов-на-Дону, 2015.
2. *Кочегаров К.А.* Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах. Заключение договора о Вечном мире. М., 2008.

²⁵ Там же. Л. 168–170.

²⁶ Там же. Л. 42, 178–193.